

22. Wörterbuch deutscher Dialekte. Eine Sammlung von Mundartwörtern aus zehn Dialektgebieten im Einzelvergleich, in Sprichwörtern und Redewendungen von U. Knoop. – Gütersloh: Bertelsmann Lexikon Verlag GmbH, 1997. – 478 S.

И.В. Соловьева

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ И ФИЛОСОФСКИЙ АСПЕКТЫ ДИСКУРСИВНОЙ АРГУМЕНТАЦИИ И ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Следствием обращения гуманитарных дисциплин к фактору человека стало расширение круга их исследований с включением в него всех аспектов речевой деятельности и речевого взаимодействия. Понимание и интерпретация с периферии собственно лингвистической работы перемещаются в ее фокус. Как полагает Франсуа Растье, «во всяком изучении текстового содержания есть доля интерпретации. Правила интерпретации разработаны даже в бесписьменных обществах – везде, где имеются сакральные, поэтические или юридические тексты. Они устанавливаются государством, партиями, церковью. Начиная с толкований Гомера стойками и вплоть до Новой критики на Западе складывается прекрасная экзегетическая традиция в отношении как священных, так и мирских текстов» [14: 229].

Исследуя вопросы юридической герменевтики, центрированной вокруг тематики судебных дебатов, П. Рикер приходит к выводу о необходимости разработки концепции взаимоотношений между аргументацией и интерпретацией [15: 128]. Поскольку юридические дебаты могут рассматриваться в качестве разновидности дискурса, это положение может быть экстраполировано и на другие его виды. Рикер ограничивает широко трактуемое понятие интерпретации конкретной ситуацией ее применения (т.е. прагматикой), что требует диалектической концепции взаимоотношений между аргументацией и интерпретацией [Op. cit.: 127–128]. Еще в 1993 году Г.И. Богин и А.А. Романов констатируют тот факт, что интерес к методологии интерпретационных актов и появлению новых методологических ходов в интерпретации формы как инобытия содержания и смысла продиктован давно назревшей необходимостью: «без разнообразия методов ни одна научная и/или учебная дисциплина не может развиваться» [6: 13].

Проблемы развития методологии интерпретационных актов в пределах герменевтики дискурса – в силу универсальности обоих явлений (и герме-

невтики и дискурса) – в антропоцентричной лингвистической парадигме могут решаться с привлечением методологического аппарата лингвистики, логики и философии. Н.Д. Арутюнова полагает, что результатом такого расширения круга лингвистических интересов, включения в него всех аспектов речевой деятельности и речевого взаимодействия, становится в том числе и смена объема исследуемой лингвистической единицы, переход от минимальных лингвистических единиц к «максимуму» – тексту / дискурсу, рассматриваемому в его совокупности с прагматическими факторами [2: 3]. Похожая точка зрения высказана и П. Рикером [16], который в качестве еще одной основы организации деятельности по пониманию и интерпретированию дискурса выдвигает тезис о «смене языковой единицы», а вместе с ней – и смене функции: «Мы действительно меняем уровень, когда переходим от языковых единиц к новой единице, представляющей собой фразу или высказывание. Эта единица принадлежит не к области языка, а к области речи, или дискурса. Меняя единицу, мы меняем и функцию, или, скорее, мы переходим от структуры к функции. И только при этом условии мы получаем возможность понять язык как речь» [Op. cit.: 133]. Высказывание как единица дискурса, не являясь единицей семиотической, остается, по Рикеру, в полной мере единицей *семантической*, «если данное слово брать в его наиболее значительном смысле – не только обладающим функцией обозначения вообще, но и функцией изречения о чем-то, функцией соотнесения знака с вещью» [Ibid]: «Только на уровне фразы язык что-то говорит; вне фразы он не говорит ни о чем» [Op. cit.: 135].

Возвращаясь к точке зрения Н.Д. Арутюновой [2], увидим, каким образом основные проблемы лингвистики сгруппированы вокруг двух основных тем: 1) пропозициональных установок (включая иллюкутивные силы) и создаваемых ими интенциональных контекстов и 2) взаимодействия (согласованности и рассогласования) семантических компонентов текста [Op. cit.: 5]. Антропоцентричность современной лингвистики подтолкнула ее к естественному сближению с другими гуманитарными науками и их частными областями: с логикой и психологией, «в особенности школой когнитивной психологии, концепции которой начали складываться в начале 60-х годов. Когнитивная психология перевела исследование психических процессов с бихевиористских позиций на менталистические, связав их с категориями знания и сознания» [Op. cit.: 4].

Ранее нами уже рассматривались категории интенциональности как направленности сознания на предмет в духе Э. Гуссерля и Ф. Brentano, а также интенциональности как смыслового потенциала в духе Г. Фреге (см.: [17]). Обсуждая основания, предоставляемые герменевтике дискурса феноменологией, мы рассматривали взгляды Э. Гуссерля на модусность как совокупность способов данности мира сознанию: восприятие, память, воображение, полагание и др. В качестве компонента смысла модусность непосредственно связана с интенциональной составляющей речевой деятельности. Виды репрезентации модусов в речи (что особенно актуально для

установления связи между формальными компонентами речи и реализацией их в качестве смыслов в дискурсе) активно исследуются как лингвистической семантикой, так и современной лингвистической логикой прежде всего потому, что «во внутреннем мире человека нет четких границ, разделяющих ментальную и эмоциональную сферы, волю и желания, перцепции и суждения, знание и веру» [13: 7]. Проблема содержательности как взаимосвязи содержания и смысла, актуальная для герменевтики, достаточно подробно разработана, в частности, в лингвистической семантике, которая может предложить не только лингвистические основания, но и мощный инструментальный научный анализ речевых образований для герменевтики дискурса.

Так, в отечественных лингвистических исследованиях конца прошлого века особое внимание уделяется попыткам осмысления и систематизации роли пропозициональных установок в формировании смысла высказывания. Этой проблематике посвящены, в частности, интересные работы исследователей-лингвистов, опубликованные в сборниках серии «Логический анализ языка». В выпуске «Знание и мнение» [12] это прежде всего работы, посвященные проблемам пропозициональных факторов, влияющих на семантику, истинностное значение, модальность и референцию высказывания. Выпуск той же серии «Проблемы интенциональных и прагматических контекстов» [13] посвящен анализу синтаксических конструкций, содержащих предикаты знания и мнения. Более современные отечественные исследования: (например: [11; 1]) также демонстрируют актуальность пропозиционального компонента плана содержания предложения. Сфера лингвистических интересов названных здесь авторов сосредоточена вокруг исследования коммуникативно неоднородных пропозициональных установок, непосредственно влияющих на порождение смысла суждения в зависимости от отношения к пропозиции субъекта установки, что является необходимым компонентом логико-лингвистического анализа, дополняющим свежим языковым материалом основания логики и философии, и, следовательно, герменевтики, в границах теории языка.

Традиция интерпретирующей семантики в качестве лингвистического инструмента герменевтики дискурса чрезвычайно продуктивна, поскольку предлагает неограниченные возможности исследования условий возникновения смыслов фатических высказываний: как смыслов непрямо́й коммуникации, так и имплицитных смыслов на уровне лексико-грамматических структур языка. Понимание как «освоение разумом того, что присутствует или дается неявно» [5] и, в качестве идеального, становящееся содержанием и смыслом, опредмечивается не только словесной, но и семиологической формой вещей, и представляет собой мгновенное схватывание сути «свернутого» в результате пошаговых интерпретативных процедур. Поскольку форма языковых конструкций, как это демонстрирует семантика, обладает эксплицитным и имплицитным содержанием, она «работает» в качестве компонента продуктивного механизма при производстве смыслов.

Следовательно, в терминах семантики речевое образование представляет собой явление преимущественно сигнификативной природы, не всегда обладающее референтностью. Отношения степени денотативности – сигнификативности непосредственно связаны и с соотношением экстенциональности – интенциональности. Соответственно, преобладание сигнификативной составляющей над денотативной в дискурсе является смыслопорождающим потенциалом, который по-разному реализует себя в разных языковых традициях, принимая форму (в парадигматическом аспекте) в виде различных сигнификативных полей.

Констатация факта разработанности в лингвистической семантике проблем, связанных с непрямой коммуникацией, потребовалась нам здесь для того, чтобы уделить большее внимание собственно содержательно-логическому компоненту речи как еще одному вероятному основанию герменевтики дискурса. Нас, в частности, интересует то, какие основания может предложить герменевтике дискурса философская логика, выходящая за пределы сферы интересов аналитической философии в решении вопроса о соотношении аргументации и интерпретации в процессе продукции / рецепции дискурса.

Заметный вклад в разработку проблем аргументации в пределах герменевтики при очевидном смещении исследовательского интереса от традиции формальной логики в сторону содержательной стороны речи вносит П. Рикер, который, как и большинство исследователей дискурса, рассматривает интерпретацию в качестве производной от конкретных речевых практик, что согласуется с вектором научной традиции исследования дискурса – от речевой ситуации и возникшей в ее пределах речевой практики – к языковому феномену. Интерпретация дискурса, по Рикеру, рождается из сочетания ее с «операцией, которую считают с ней соперничающей, а именно – с аргументацией» [16: 127].

Смена точки зрения неизбежно влечет необходимость *определения* аргументации в ее новой ипостаси. В.Н. Брюшинкин предлагает рассматривать аргументацию в качестве особого процесса в пределах коммуникации, который объединяет совершенно различные уровни и способы рассуждений: от рассуждений в обычной жизни до логико-математического доказательства в формальных системах. «Если мы назовем рассуждения, которые фактически осуществляются в обыденной жизни, *естественными* рассуждениями, а выводы в логико-математических исчислениях – *формальными*, то все разнообразие рассуждений можно описать как башню, в основании которой лежат естественные рассуждения, прагматически ориентированные на приемлемость аргументации в данном конкретном случае, принимающая во внимание обстоятельства времени, места, психологического состояния субъекта и адресата аргументации и т.п., а на вершине расположены формальные рассуждения» [7: 14]. Таким образом, аргументация представляет собой «множество выраженных в виде последовательных высказываний процессов убеждения, заключенных между двумя полюсами: логико-

математическим доказательством в формализованных языках и воздействием на бессознательные компоненты психики адресата» [Op. cit.: 13]. Определение аргументации как коммуникативного акта, в котором некий субъект сознательно производит изменения в системе убеждений другого субъекта путем обоснования или опровержения убеждений [Op. cit.: 11], не только конкретизирует ее место и роль в речевой деятельности, но и обосновывает правомерность ее рассмотрения в сфере проблематики герменевтики дискурса: в рамках герменевтического опыта языковая форма не может быть отделена от содержания, дошедшего до нас в этой форме [8: 41–42], в том числе и потому, что «весь процесс смыслообразования и схематизации разворачивается с большой скоростью, поскольку смыслы усматриваются с той же скоростью, с какой слышится звук» – отмечает со ссылкой на Гуссерля Г.И. Богин [5: 22]. Эта точка зрения привлекательна для нас еще и тем, что рикеровский метод «смены языковой единицы» и связанной с ней функции работает и здесь: содержание не ограничивается пределами высказывания или предложения, а выносится в коммуникацию, где мы оперируем единицами уровня текста и дискурса.

Разрабатывая обобщенную модель аргументации, В.Н. Брюшинкин полагает необходимым описать процессы, происходящие в естественных языках, обладающих нерегулярным разнообразием, с одной стороны, и внутренней логикой – с другой. Автор утверждает факт непосредственной связи аргументации с такими аспектами языка, как синтаксис и семантика. Различные подсистемы моделирования аргументации – логическая, когнитивная, риторическая – связаны с аспектами языка. «Логическая подсистема тяготеет к синтаксису, т.е. к явному выражению отношений между высказываниями в формальном языке. Когнитивная подсистема – к семантике, т.е. к отталкиванию в своих процедурах вывода от смысла и значения используемых выражений. Риторическая подсистема тяготеет к прагматике, т.е. к учету в своих процедурах обоснования особенностей устройства субъекта и того эффекта, который они производят на адресата аргументации. Реальные процессы аргументации могут быть ориентированы как на решение всех этих задач вместе, так и по отдельности» [7: 14]. Следуя идее коммуникативной значимости в аргументации и обобщая системную модель аргументации, автор предлагает некоторую матрицу, в которой ведущий компонент определяется установками субъекта и адресата данного конкретного процесса аргументации. В.Н. Брюшинкин полагает, что такая матрица задает порядок применения подсистем для моделирования конкретного процесса аргументации, и выводит следующие шесть видов аргументативных моделей:

- ЛКР: логико-когнитивно-риторическую;
- ЛРК: когнитивно-риторико-логическую;
- КЛР: когнитивно-логико-риторическую;
- КРЛ: когнитивно-риторически-логическую;

РЛК: риторико-логически-когнитивную;
РКЛ: риторико-когнитивно-логическую.

Выбор базисной подсистемы приемлемости аргументации на этапе продукции в каждом конкретном случае определяется тем, какой аппарат наиболее подходит для рассматриваемого процесса аргументации, установок и характеристик субъекта и адресата аргументации на этапе рецепции речи.

Для герменевтики дискурса особенно интересен тот факт, что в качестве выбора базисной подсистемы предлагается «выбор подхода к анализу макроструктуры аргументации» [Op. cit.: 15], фактически – наиболее общие основания интерпретации дискурса в заданном методологическом ракурсе – в качестве процесса установления истины и взаимопонимания, в виде когнитивной процедуры и приобретения выводного знания, или процесса восстановления смысла опредмеченного продуцентом речи, проникновения «в чужое сознание». «Логическая подсистема (Л-подсистема) сразу задает макро- и микроструктуру. Поэтому на долю остальных подсистем остается только вспомогательная, статическая роль – обоснование посылок (когнитивная), украшение (риторическая). Иначе обстоит дело с К- и Р-подсистемами. Они задают только макроструктуру. Поэтому остается место для относительной самостоятельности остальных подсистем» [Ibid]. Заметим, что когнитивный, логический и риторический аспекты речи задают систему ее интертекстуальных связей, что пополняет сферу возможностей герменевтической интерпретации.

Таким образом, логические подсистемы и модели, упорядочивая аналитико-интерпретативные возможности реципиента в процессе поиска смысла, не отменяют их ни в каком, даже самом структурированном виде дискурса. К примеру, исследуя возможности герменевтической интерпретации текста / дискурса в законодательной сфере, П. Рикер приходит к следующему парадоксальному выводу: «Прежде всего смысл того или иного закона не возникает из его *pedigree*; как можно выразиться в терминах не интенциональной теории литературного текста, смысл закона, если таковой имеется, необходимо искать в тексте и его интертекстуальных связях, а не в предписании законодателя, в юридическом смысле симметричном тому намерению, что в литературе приписывается автору текстов. Затем – по признанию таких позитивистских теоретиков как Харт, – наиболее эксплицитные законы обладают *open structure* [открытой структурой] в том смысле, в каком тексты бывают открытыми непредусмотренным конструктивным интерпретациям» [15: 130]. Более того, «... при реконструкции смысла текста интерпретация напрямую обращается к отношениям соответствия, точности или подстраивания между предлагаемой интерпретацией трудного места и интерпретацией всего произведения. В этом “*fit*” мы узнаем знаменитый герменевтический принцип взаимно соответствующей интерпретации части и целого (герменевтический круг – комментарий наш – И.С.)»

[Op. cit.: 131]. Здесь нам представляется возможность прокомментировать причины и возможности обращения при интерпретации к тому, что Рикер называет отношениями соответствия, точности или подстраивания, причем не в качестве частного случая, а как закономерности в ходе интерпретативной деятельности, которая возвращает нас к обсуждавшейся выше задаче выявления аналитико-аргументативных закономерностей естественной коммуникации. О.Ю. Токаева со ссылкой на Ч. Филлмора выделяет в пределах аргументативного анализа «логически прозрачных текстов» два типа семантики, соответствующие двум аналогичным типам интерпретации. Первый тип – И-семантика, семантика, основанная на истинности, ограниченная отдельными предложениями. Второй тип – П-семантика, основанная на понимании, в основе которой лежат слова и тексты. «И-семантика рассматривает контекст как сущность, с помощью которой определяется прагматический контекст предложения. В П-семантике контекст включает доступные для подробного описания предпосылки. Цель И-семантики – установление истинности или ложности высказываний. Цель П-семантики – раскрыть связи между текстами и достижение наиболее полного понимания этих текстов» [18: 34]. Таким образом, стратегия обращения при интерпретации к отношениям точности соответствует в основном задаче установления истины, что исторически обусловлено происхождением понятия аргументации от понятия логических умозаключений с истинными посылками. Отношение точности при интерпретации есть функция, по которой некоторой константе ставится в соответствие некоторая индивидуальная переменная. В таком определении интерпретация становится действительно семантическим понятием, но в логическом смысле (ибо состоит в исчислении истинностных значений) [14: 230–231].

Обращение к отношениям соответствия и подстраивания ведет к восстановлению иных, выводных, смыслов при интерпретации, задействует *рефлексию* в процессе понимания. Рефлексия, приводящая человека к субстанциальности понимания, есть действие, так как она связана с изменением материала онтологических картин, а не самотечная психическая процедура [5: 19]. Рефлексия восстанавливает «известное нам» не в том виде, в каком оно впервые стало известно: ведь при первом, имеющем характер момента процедуры, знакомстве со смыслом, мы выхватываем лишь некоторую грань усмотримого, и именно рефлексия начинает продвигать нас от грани понимаемого к целому понимаемому. «Знакомое» только благодаря узнаванию достигает своего истинного смысла и выказывается как то, что оно есть. В качестве узнанного оно обретает фиксированную сущность, освобождается от аспектуальной случайности, отмечает Г.И. Богин со ссылкой на Г.-Г. Гадамера [Ibid]. Это правило действительно для рефлексии не только реципиента, но и продуцента текста, вообще для соотношения между осваиваемой реальностью и ее представленностью в тексте, в изображении, во всяком материале распремечивающего понимания. Вслед за Гуссерлем Г.И. Богин отмечает, что прежний опыт забывается, но не исчезает

бесследно: он просто латентен, пассивен в рамках рефлексивной реальности [Op. cit.: 20]. При пробуждении рефлексии он оживает и реализует горизонт (т.е. происходит растягивание смысла), причем не так, как это случилось бы во времена появления опыта. Рефлексивная реальность образуется как бы «бессознательно»: ведь многое замечается человеком и входит в рефлексивную реальность без внимания [Ibid].

Смысл в процессе речевой коммуникации может быть передан тремя основными способами: прямо (эксплицитно), непрямо и имплицитно. Более подробный анализ различий не прямой коммуникации и имплицитного в речевом общении увидим в исследованиях: [10; 9].

В современной филологической герменевтике процесс понимания речевого образования как освоения смысла на основе рефлексии описан Г.И. Богиним в его наиболее общем, алгоритмизованном виде как усмотрение в любом осмысленном отрезке текста некоторого смысла. При дальнейшем чтении усматривается дальнейший смысл в следующем отрезке и т.д. Каждый последующий акт усмотрения либо прибавляет второй смысл к первому, либо приводит к тому, что первый смысл, взаимодействуя со вторым, как-то изменяется, но так или иначе происходит наращивание и растягивание смыслов, что согласуется по форме – а может быть согласовано и содержательно с процессом постепенного изменения в системе убеждений субъекта, о котором говорилось выше при исследовании аргументативности. Поскольку текст состоит из множества осмысленных микротекстов, и смыслообразование протекает от встречи со вторым микротекстом до встречи с последним, процесс понимания, так же как и его завершение, рефлексивны: процесс застывает в результате, когда понимание превращается в знание и выступает как знание. Завершающий рефлексивный акт ставит реципиента перед вопросом: «Что же я понял?», и полученное в качестве ответа утверждение в своих определениях обнаруживает процесс собственного становления. Иначе говоря, конечная рефлексия после прочтения целого литературного произведения есть рефлексия очень большого опыта, возникшего в процессе восприятия, понимания, смыслообразования, наращивания смысла, причем этот опыт складывается именно в процессе действий со множеством последовательных и логически взаимообусловленных микротекстов [4].

Понимание, интерпретацию и аргументацию относят к разным видам деятельности, направленной на текст / дискурс, соотнося их как цель и метод, но понимание на уровне истолкования является лишь одним из возможных способов понимания текста. При этом текст истолкования, фиксирующий результаты деятельности понимающего сознания, представляет собой попытку передачи смысла (или смыслов) оригинального текста путем их иного знакового оформления, экспликации глубинных пластов текстовой содержательности. Эксплицированная семантическая форма языковых структур, в свою очередь, опредмечивает многочисленные связанные с актом высказывания акты сознания и их смыслы. По мнению А.Ф. Лосева, в

центре феноменологии естественного языка должны стоять проблемы соотношения эйдетических актов и смысловых структур с актами и смысловыми структурами естественного языка, различные формы и этапы перевода из первых в последние [9: 366–367]. То, что огромная часть этой массы остается семантически не означенной, передаваясь непрямо, но сохраняя при этом существенное влияние на смысл высказывания, является сферой герменевтической интерпретации, и герменевтика дискурса призвана учесть не только лингвистические параметры дискурса, но и процессы, связанные с движением и структурированием смыслов в сознании продуцента и реципиента, смысловые предпосылки и последствия работы лингвистических механизмов текста.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алефиренко Н.Ф. Спорные проблемы семантики: Монография. – М.: Гнозис, 2005. – 326 с.
2. Арутюнова Н.Д. От редактора // Логический анализ языка. Проблемы интенциональных и прагматических контекстов. – М.: Наука, 1989. – С. 3–6.
3. Арутюнова Н.Д. «Полагать» и «видеть» (к проблеме смешанных пропозициональных установок) // Логический анализ языка. Проблемы интенциональных и прагматических контекстов. – М.: Наука, 1989. – С. 7–30.
4. Богин Г.И. Обретение способности понимать: Введение в герменевтику. – Тверь, 2001. – 731 с.
5. Богин Г.И. Субстанциальная сторона понимания текста. Тверь: ТвГУ, 1993. – 137 с.
6. Богин Г.И., Романов А.А. Современные интересы в области герменевтики // Понимание и рефлексия. Материалы Третьей Тверской герменевтической конференции, Ч. 1. – Тверь: ТвГУ, 1993. – С. 5–17.
7. Брюшинкин В.Н. Обобщенная системная модель аргументации // Аргументация и интерпретации. Исследования по логике, истории философии и социальной философии: Сб. науч. статей. – Калининград: Изд-во Российского государственного университета им. Канта, 2006. – С. 11–17.
8. Гадамер Х.-Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики / Пер. с нем. – М.: Прогресс, 1988. – 704 с.
9. Гоготишвили Л.А. Непрямое говорение. – М.: Языки славянских культур, 2006. – 720 с.
10. Дементьев В.В. Непрямая коммуникация. – М.: Гнозис, 2006. – 376 с.
11. Кобозева И.М. Лингвистическая семантика: учебник. – М.: Эдиториал УРСС, 2000. – 352 с.
12. Логический анализ языка. Знание и мнение. – М.: Наука, 1988. – 127 с.
13. Логический анализ языка. Проблемы интенциональных и прагматических контекстов. – М.: Наука, 1989. – 288 с.
14. Растье Ф. Интерпретирующая семантика / Пер. с франц. – Нижний Новгород: «Деком», 2001. – 368 с.
15. Рикер П. Интерпретация и/или аргументация // Рикер П. Справедливое / Пер. с франц. – М.: «Гнозис», «Логос», 2005. – С. 127–146.

16. Рикер П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике. – М.: «Academia-Центр», «МЕДИУМ», 1995. – 415 с.
17. Соловьева И.В. Интендирование как деятельность и основа интерпретации // Вестник Тверского государственного университета. – Серия «Филология». – 2007. – № 24 (52). – Вып. 9 «Лингвистика и межкультурная коммуникация». – С.109–113.
18. Токаева О.Ю. Логико-когнитивный анализ философской аргументации // Аргументация и интерпретации. Исследования по логике, истории философии и социальной философии: Сб. науч. ст. – Калининград: Изд-во Российского государственного университета им. Канта, 2006. – С. 30–38.

И.В. Соловьева

МИФ И ИНТЕРПРЕТАТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ДИСКУРСА

*«... поскольку миф – это слово,
то мифом может стать все,
что покрывается дискурсом».*
(Р. Барт)

В то время как к дискурсивным категориям относят все, выделяемые в прагмалингвистических и социолнгвистических исследованиях коммуникативные переменные, охватывающие характеристики, относящиеся к участникам, условиям, организации и способам общения – толерантность, коммуникативную неприкосновенность, коммуникативную оценочность, коммуникативное давление, формальность, контактность, социальный дейксис, коммуникативную инициативу, интерпретируемость текста, адресованность, информативность, интертекстуальность [7: 26–27], целью настоящей статьи является демонстрация мифа в качестве центральной герменевтической категории, принадлежащей дискурсу, его общего и существенного свойства, признака, определяющего избирательность и синергичность действия всех категорий, упомянутых выше. Мы отдаем себе отчет в том, что научное отношение к мифу, как один из видов абстрактного отношения, предполагает изолированную интеллектуальную функцию: «в хаосе и неразберихе эмпирически спутанных, текучих вещей надо уловить идеально-числовую, математическую закономерность, которая, хотя и управляет этим хаосом, но сама-то не есть хаос, а идеальный, логический строй и порядок» [4: 401].

Интересно, что еще в 1987 году Г.А. Чупина формулирует задачи философско-методологического анализа речевого процесса следующим образом: «1) представить речевой акт в контексте социально-культурного вос-